

22 июня 1945 года невидимой, но непроходимой гранью разделила жизнь всех на до и после. Ведь не было такой семьи, такого человека, независимо от национальности, веры, возраста, на всей необъятной территории Советского Союза, которых Великая Отечественная война не опалила своим огненным дыханием. Смерть, потеря родных и близких, мучения в концлагерях, оккупация, сиротство, голод, холод – это пришлось пережить практически каждому. И только всё преодолевших – бессмертный героизм на поле боя и беззаветный труд в тылу – миллионов советских людей смог привести к ней, к долгожданной и выстраданной Победе. 70 лет назад отгремели залпы победных салютов, но до сих пор грозное эхо Великой Отечественной отзывается в миллионах людских сердец уже последующих поколений. И как 70 лет назад у каждого был свой путь в эти грозные

годы, каждый вёл свой бой с врагом, побеждая его, и из этих личных побед ковалась общая Победа; так и теперь из общей памяти миллионов: детей, внуков и правнуков тех, кто принёс её нам, слагается Память народная, благодарная и несокрушимая Память. Да иначе и быть не могло, ведь к Победе и шли для того, чтобы мы с вами были, могли быть. Вспомним строки «Василия Тёркина» А.Т. Твардовского, написанные во время войны: «Смертный бой не ради славы, / Ради жизни на земле». И естественно, что все писатели и поэты всех поколений снова и снова обращались к этой теме, раскрывая своё видение, своё понимание свершённого и пережитого тогда в давно ушедшие военные и послевоенные годы. Но уже не только как участники и очевидцы событий, но и с позиций осмысления значимости их для последующих десятилетий.

ЭТОТ ДОЛЖЕН ЖИТЬ

Алексей БУДНИКОВ

Военные истории обычно завершаются наградой. Сейчас, по прошествии стольких лет после сорок пятого, становятся известными реальные истории и самих наград. Но это совсем другая история.

ОН СО МНОЙ ТАМ БЫЛ

Двадцатилетний лёгчик-штурмовик. Первый орден. Перед боевым вылетом положено сдавать вместе с документами. Но как расстаться положено несколько часов с ним – с первым, только что, только что вручённым? Конечно, нет – с собой, тем более в боевой вылет. Вечная вера – и не только у мальчишек: «Пока я жив – я временно бессмертен». Точное определение. И сбили. На восьмые сутки пути к фронту обоих: со стрелком-радистом, взяли по следу с собаками – сонных обезоружили.

Концлагерь. Домой извещение: «Пропал без вести». А орден? С собой? – ведь обыски постоянные. С собой – выдолблено углубление в колодке под пяткой – С собой! Когда оставались лишь самые-самые – знал: если узнают, смерть сам звать будешь – доставал, и по кругу, каждый в ладонях. Вот он звёздный, победный! – Врёте, сволочи, не ломаете! Три пояса охраны у концлагеря. За первым – все,

кроме русских, все вперемешку: военные, гражданские; за вторым – русские солдаты; за третьим – русские офицеры. Практики-фашисты понимали. В этом не ошиблись, но сломать, души сломить, не смогли. В сорок пятом, поняв, почуяв, что пора – На прорыв! Сквозь все три пояса охраны пошли они – русские офицеры. А какие они были тогда – может ответить только медицина: отец – высокий, широкоплечий, весил 40 кг. Действительно, только ярость благородная могла позволить им совершить это. Благородная ярость, питаемая русской силой. Прорвались. Укрылись в сеном сарае. И издалека, прямо на них – танки. Чьи? А у них всего несколько пистолетов. Бой без шансов – офицеры понимали. Ближе. Полосатые, звёздные – американцы. Еда. А ведь сразу нельзя – истощены. Кто не выдержал, набросился – конец.

– Отец, а как же ты?

– Взял плитку шоколада и медленно-медленно, маленькими кусочками, рассасывал.

Алексей БУДНИКОВ

родился в 1957 году. Работал на Угличском часовом заводе, на ЭМЗ ВНИИМС. Активно занимался самообразованием в гуманитарной сфере. На сегодняшний день – поэт (автор стихотворных сборников «Послушны струны души рукам судьбы», «Боль и нежность» и «Чувство жизни»), литературный критик и теоретик литературного творчества (выпустил брошюру «Моя литературная учёба» и продолжает трудиться над этой темой), пушкинист, член клуба любителей русской словесности «Тысячелетие» (Ярославль), один из координаторов литературного и творческого объединения им. И.З. Сурикова (Углич), корреспондент «Угличской газеты».

Кавалер ордена Красной Звезды Валентин Петрович Будников, фото 1943 г.

ДЕТЯМ ЛЕНИНГРАДА

Во власти смерти детство постарело:
Всепониманье истощённых лиц –
В чём их вина? Что ждали чуда смело
Сквозь радугу распахнутых ресниц?
Война, блокада – этого ль желали
Им матери – обычные, с земли?
Они, как все, грядущего не знали
И только лишь мечтать о нём могли.
И сколько же надежд и ожиданий
Разбила жизнь, как об асфальт стекло!
Чужие люди, что родными стали,
Дарили им своей души тепло.
В России по-другому невозможно:
Как не помочь, ведь помощь так нужна,
Всё поправимо, что вернуть возможно,
Но здесь-то что поделаешь – война.
Расчёты – взрослым, ну, а эти, эти,
Которых не сумели защитить,
В проклятье века брошенные дети
Уже обязаны – обязанные жить.
Рубцуются, затягиваясь, раны,
Года идут извечной чередой,
Земной поклон вам, дети-ветераны,
Блокадою крещённые войной.

***

Ордена задаром не давали:
Тут не деньги – смерть-то без цены –
Тем, кто на войне за жизнь вставали,
Чтобы больше не было войны.

Семьдесят – и человеку много,
Юбилей теперь один для всех.

И сразу «собеседование» работников американской разведки с каждым – да, с каждым из них – освободившихся офицеров. Союзники оценили этот человеческий материал. Тема: «Невозвращение на Родину». Основание: определение Сталина «У нас нет пленных, только предатели». Было и это. Кто-то не выдержал – остался. Остальных на передачу – под конвоем. И свои также приняли: под конвоем, даже толком не пересчитывая.

На переезде, пропуская колонну, остановилась машина. Из неё вышел лётчик – на груди иконостас награда. И узнал! Узнал боевой полковник в безликой серой массе измождённых военнопленных своего, не вернувшегося из боевого вылета почти два года назад, комсорга: «батей» в боевом полку даром не назовут. Решенья и действия и на земле, как в воздухе, стремительны: лётчик – иначе нельзя. Конвойным – пленного немца-майора: вам за него медаль дадут – а своего, родного – домой, в полк. И приказ военврачу: «Этот должен жить».

И жил. Работа, семья, дети.

– Пап, а когда ты летал, тебе в бою было страшно?

– Было. Потом, ночью. А там нельзя.

Но эмаль на лучах у ордена – у того, у звёздного – безнадёжно обилась в колодке под пяткой. Как только не пытались потом восстановить – ничего не получалось. В военкомате, узнав об этом, предложили заменить награду: документы – в порядке; обстоятельства – понятны.

– Нет. ОН СО МНОЙ ТАМ БЫЛ!

Смотрю на отцовскую предфронттовую фотографию: как похожи на деда мои сыновья, и старший, и младший – каждый по-своему. Как-то сложат они свои судьбы?

Как бы ни петляла жизнь-дорога,
В ней таких немного страшных вех.

Выжившие – и таких немало:
Через ад прошёл-то весь народ,
Им судьба по полной отмеряла,
Потому по полной он и пьёт.

Не искали предки половины
В жизни, в смерти, в пахоте с гульбой,
Потому-то и остались живы,
Потому живём и мы с тобой.

Дети, внуки, правнуки... как надо,
Вот за это в бой они и шли –
Это их важнейшая награда:
Чтобы жили, чтобы жить смогли.

ШАГИ СОЛДАТСКИЕ

Отшагали, отмаялись грешные:
Не святые, куда там святым,
Те за раз, а тут вёрсты беспешные:
Шаг в куда? – неизвестно живым!
И годами, сквозь смерть, до победного,
Кто дошёл и кто нет – без вины,
Воскресения нет для них вербного:
Здесь не крест, а дороги войны.
С каждым годом редели колоннами
Ветераны Второй Мировой:
Отшагали своё, непреклонными,
Даже те, кто вернулись домой.
И последний свой шаг – в память вечную:
К не дошедшим до мая, тогда,
В благодарную, человечную,
Шаг солдатский – теперь навсегда.